

Публикуемый ниже мемуарный отрывок «Майя» из готовящейся к изданию книги моих воспоминаний посвящен Майе Овчинниковой (Аксеновой), второй жене Василия Аксенова. Я впервые увидел ее в июне 1974 года, а друзьями Майи я и моя покойная жена Ирина Радченко стали со времени поездки в Париж в июле 1989-го. Эту дружбу оборвала только смерть. Иры не стало 10 сентября 2005-го, Майи — 24 декабря 2014 года.

Майя была страстной, пристрастной, прямолинейной, щедрой во всех проявлениях этого качества: и в душевной любви к ближнему, и в вечном желании материально помочь, одарить, накормить, принять. В этой неистребимой потребности помочь она очень походила на Беллу Ахмадулину, недаром они так безоглядно дружили.

Во время прощания с Василием в Большом зале Дома литераторов она наотрез отказалась сидеть на сцене у гроба, мы сели с ней в зале на крайних местах в первом ряду, она никого больше не хотела видеть в этот момент рядом. Но когда Белла, пройдя мимо гроба и возложив цветы, спустилась к нам по лесенке, я уступил ей место рядом с Майей. Они сцепились ладонями — правая Беллина и левая Майина — и так сидели все время, пока панихида не кончилась.

Браку Майи с Василием предшествовал бурный и многолетний роман, начавшийся, по моим представлениям, в первые летние месяцы 1969 года в Ялте. Они тогда были не свободны: он женат, а она замужем. Муж ее, известный кинодокументалист Роман Кармен, был старше ее на двадцать четыре года. Незадолго до этого Кармен перенес инфаркт, и Майя несколько месяцев выхаживала его после болезни. А тут Ахмадулина позвала ее приехать в Ялту, отвлечься. Аксенов тоже был в это время в Ялте. В воспоминаниях Беллы об этом сказано так: «И я рада, что была свидетелем, в какой-то степени даже составителем этой любви. Я жила в Ялте, и Майя, с которой мы были давно знакомы, ко мне приехала. И это тоже большая радость — любить любовь других людей, быть им сподвижником» («Василий Аксенов — одинокий бегун на длинные дистанции», М.: Астрель, 2012).

А по воспоминаниям Евгения Сидорова, весной 1969 года «ялтинская гостиница «Ореанда» приютила трех московских писателей, объединившихся под именем Гривадия Горпожакса: Горчаков, Поженян, Аксенов. Я был свидетелем создания их эпохального романа "Джин Грин — неприкасаемый"...» («Василий Аксенов — одинокий бегун на длинные дистанции», М.: Астрель, 2012).

И вот в один из летних вечеров у ялтинского причала стоял, сияя всеми огнями, знаменитый в те годы теплоход «Грузия», с капитаном которого Анатолием Гарагулей дружили едва ли не все советские писатели. В тот вечер в ресторане

Майя Овчинникова, середина 50-х

Свадьба Василия и Майи в Переделкино 30 мая 1980 г. Слева направо: Майя, Белла Ахмадулина, Василий Аксенов, Борис Мессерер

теплохода появился Григорий Поженян с очаровательной блондинкой, которую он только что «закадрил» на берегу. Блондинкой была Майя. Тут и произошла ее встреча с находившимся в этот момент здесь же Василием Аксеновым, оказавшаяся «роковой» для них обоих. С теплохода они ушли вместе, и это стало началом их любви на всю дальнейшую жизнь.

Я увидел Майю впервые на похоронах моего двоюродного брата Бориса Балтера 10 июня 1974 года. Приехав в его загородный дом в деревне Вертошино Рузского района ранней электричкой, я оказался одним из первых. К Гале Балтер невозможно было подойти, у нее было почерневшее от горя лицо. Меня встретила красивая и обаятельная Майя (тогда еще Кармен), подруга Гали с юности. Ее внимание и участие в ситуации, где кроме Гали я еще никого не знал, очень меня тронули, и я стал чувствовать себя свободнее.

Потом, в середине 70-х я встретился с нею на одном из дней рождения Гали. Она отмечала его в тот раз не в Вертошино, по своему обыкновению, а в однокомнатной квартире у метро «Щелковская». Майя приехала одна, ей досталось место на диване с длинной стороны праздничного стола. Вася приехал в середине застолья. Ему, в результате «уплотнения» гостей, нашлось место с той же стороны стола, но не рядом с Майей. Кто сидел между ними, не помню. Помню, что они одновременно откидывались назад, спинами на диван и, не обращая внимания на происходящее, разговаривали о своем. Вася уехал раньше всех. А когда

расходились остальные гости, Майя простотой в общении и несветской теплотой, напомнила мне нашу первую встречу. Она предложила подвезти нас с женой до центра, но мы, поблагодарив, предпочли метро.

Следующая моя встреча с нею — июль 1980 года в Вертошино, у Гали, куда Майя вместе с Василием, ставшим недавно ее мужем, приехали проститься перед отъездом в эмиграцию. Они уезжали с советскими паспортами, но было ясно — это очень надолго, если не навсегда. Накануне Олимпиады власти старались очистить Москву от нежелательных элементов, в категорию которых, помимо уголовников и проституток, включались за свое инакомыслие такие известные и весьма уважаемые граждане как Василий Аксенов и Владимир Войнович.

Между тем, настроение у Аксеновых было вполне приподнятое (во всяком случае, при взгляде со стороны), разговор — оживленным, застолье достаточно по тем временам обильным. Василий, недавно побывавший на Дальнем Востоке, восхищался каким-то капитаном рыболовецкого сейнера: «Представляете, — смаковал он, — на лету поймал за ножку пущенный в него стул, когда в ресторане завязалась драка!»... Запомнилось, что Василий и Майя были молоды и красивы и очень подходили друг другу, а на дворе стояло лето и уже цвела липа...

Но по-настоящему и на всю жизнь, я познакомился и подружился с Майей летом 1989 года в Париже. В перестройку железный занавес раздвинулся, и мы с Ирой отправились во Францию. По счастливому совпадению Майя с Васей тоже находились в это время в Париже, правда, к моменту нашего приезда Василий был в Швеции на каком-то конгрессе или симпозиуме.

Майя считала своим долгом опекать нас. В частности, справедливо полагая, что у советских граждан материальные возможности весьма ограничены (меняли по 170 рублей на нос), несколько раз водила нас в рестораны. В «Дарах моря» нам подали каждому какое-то громадное металлическое двухъярусное блюдо, заполненное моллюсками всех видов, в том числе известными мне лишь по русской литературе устрицами. На верхнем ярусе красовался доселе не виданный мною ярко-красный омар. Съесть все это было невозможно.

Несколько раз мы навещали Майю. Хозяйка квартиры, в которой остановились Аксеновы, их давняя приятельница-подруга, встречала нас радушно, но неизменно замечала с огорчением, что в холодильнике, кроме листьев салата нет ничего. И тогда мы с Майей шли в ближайшую лавочку, где хозяином был араб, и покупали вина и все остальное.

Французская прижимистость подруги Майю страшно раздражала.

— Ведь она же миллионерша, — возмущенно потрясала руками Майя, когда выходила из дома, провожая нас, и мы, сидя на скамейке у подъезда, выкуривали по сигарете.

Однажды Ира, по просьбе Майи, сопровождала ее к ветеринару в качестве переводчицы: спаниель Ушик недавно захромал, и нужно было выяснить, в чем

дело. Результаты посещения оказались неутешительными: у аксеновского питомца выявили перелом задней лапы, который в те годы не подлежал лечению. Майя была очень расстроена тем, что их любимец обречен.

Провожая нас вместе с Васей на Северный вокзал, Майя, на прощанье, заставила взять у нее 300 франков, чтобы купить что-нибудь в дорогу или в память о Париже. Время до отхода поезда еще оставалось, и я по настоянию Иры купил себе в ближайшем магазинчике замечательную ветровку темно-синего цвета, легкую и элегантную по-французски, из которой не вылезал потом, пока она не износилась до дыр...

В августе 1991-го, во время путча, Василия в Москве не было, Майя прилетела одна. Остановилась у Войновичей в Астраханском переулке — им квартира недавно была выделена новыми властями взамен отобранной (у метро «Аэропорт») после отъезда в эмиграцию. Хозяева находились в отъезде. За событиями, происходившими в ночь на 21 августа, Майя следила из квартиры своей младшей единокровной сестры Иры: с ее балкона открывался вид на Белый дом.

Вечером 22-го августа, когда, в первый раз в жизни, всё завершилось нашей победой, мы с Ирой, отоспавшись после бессонной ночи, которую провели среди безоружных, как и мы, защитников Белого дома, поехали к Майе, в Астраханский переулок. Квартира оказалась прекрасной планировки и очень большая. Мы с воодушевлением обсуждали поражение путчистов, пили вино, восхищались Ельциным, радовались падению коммунистической диктатуры...

В следующий приезд из Америки, в 1993 году, Майе вернули квартиру в сталинской высотке на Котельнической набережной взамен отнятой во время ее отсутствия в стране. Та квартира перешла ей в наследство от Романа Кармена. Новую дали в том же доме в соседнем подъезде.

А в августе 1996-го мы с Ирой поселились в Лялином переулке, вблизи Покровки, в 15-20 минутах пешего хода от Аксеновых. Квартира, бывшая коммуналка, требовала ремонта. Узнав о нашем переезде и связанном с ним ремонтом, Майя категорически заявила: будете жить у нас! — и мы не смогли отказаться. Вася находился за границей. Месяц мы ночевали у Майи. Утром я уходил от нее на работу, вечером мы встречались с Ирой в нашей ремонтируемой квартире и шли ночевать к Майе.

Она не расставалась теперь с пекинесообразным песиком, которого они с Василием купили с рук на Арбате в один из приездов в Москву. В профиль щеночек якобы напоминал Пушкина, за что и удостоился столь почетного имени. Вася утверждал, что их Пушкин ведет свою родословную от тибетских терьеров, что эти маленькие собачки несут охрану буддийских монастырей, прогуливаясь по высоким стенам обители, а заметив что-то подозрительное поднимают отчаянный лай, чем привлекают внимание здоровенных мастиффов, несущих охрану монастырских стен внизу, на земле...

Проводы в эмиграцию. У подъезда высотки на Котельнической набережной, 22 июля 1980 г

С этого времени началось постоянное общение с Аксеновыми: помню здесь и ненадолго прилетевшего из Америки Майиного внука Ивана, широкоплечего обаятельного великана, увлеченно разговаривающего с дочерью Беллы Ахмадулиной Лизой. Это его посещение Москвы оказалось последним. В 1999 году он погиб при не совсем выясненных обстоятельствах, что послужило для Майи ужасным потрясением, от которого ей уже не суждено было оправиться.

Нередко мы приходили к Аксеновым со своим разноглазым зенненхундом Тилем. И Майя, и Василий обожали его и очень любили угощать. Однажды Василий скормил ему упаковку с сардельками. Тиль заглывал сардельки мгновенно, так быстро, что Василий даже обиделся:

— Ну что же, он даже не жует, — сказал он расстроено и потянулся за новым лакомством, но тут уж мы с Ирой чуть ли не схватили его за руку и прекратили это безобразие.

Майя тоже любила угостить Тиля. Неудивительно поэтому, что, случись нам проходить мимо двора высотки, пес упорно тянул войти в арку и дальше к их подъезду. Приходилось ему объяснять, что Майя с Васей уехали.

*Джорджтаун (Вашингтон), середина
1980-х, Аксеновы со спаниелем Ушиком*

с Ирой к ним присоединялись...

10 сентября 2005-го я остался один, Ира после восьмилетней борьбы с раком рухнула в один день.

У Василия в это время вышла очередная книга «Зеница ока», которую он подарил мне со следующей надписью: «Вите — в эти горькие, и для него, и для нас, дни. Мужайся! 05.10.05. В. Аксенов».

Теперь я приходил к Аксеновым один, иногда с Тилем. Майя всегда озабочена была тем, чтобы накормить меня. А потом у нее вдруг появилась навязчивая идея, что мне нужно обязательно жениться, что нельзя оставаться одному.

Ее стали интересовать мои приятельские отношения с женщинами, которые она рассматривала теперь именно с этой точки зрения.

Но жизнь продолжалась, и мне приходилось приспосабливаться к своему одиночеству...

Продолжалась жизнь и у Аксеновых. В двадцатых числах декабря 2006 года Василий улетел в Биарриц. Новый 2007 год я встречал вместе с Майей, оставшейся в Москве. Пришел к ней с моим сыном Мишей около одиннадцати. Под бой курантов выпили шампанского, и Миша умчался в свою студенческую компанию. У Майи было приготовлено какое-то невероятное жаркое из баранины. Бутылки пустели одна за другой — она все время требовала открывать новую.

В высотке, в том крыле, что выходит на набережную Москвы-реки, располагался шикарный гастроном, в который мы с Ирой и с Тилем иногда сопровождали Майю и неразлучного с ней Пушкина. Я придумал почти цирковой номер с собаками, когда послушный и дисциплинированный Тиль, держа в зубах поводок Пушкина, вел его за собой, а Пушкин недовольно упирался.

Майя невесело смеялась.

После гибели внука она всегда находилась в подавленном состоянии, перестала следить за собой и, как следствие, больше не появлялась с Васей на людях. На тумбочке в спальне вперемешку валялись российские и переводные детективы, которые она заглядывала, отвлекаясь от неизбывной скорби по Ивану.

Иногда Майя позволяла Васе уговорить ее спуститься в ресторанчик на первом этаже высотки, где раза два или три и мы

Немудрено, что в четвертом часу сон сморил ее. Ключи от их квартиры у меня имелись, и я смог уйти.

Василий, выслушавший от меня на следующий день эту историю по телефону, был очень недоволен. Он волновался за Майю. Сам давно уже пил очень умеренно: один-два бокала сухого красного.

Как драматически прошел у Майи с Васей 2007 год я поведал в другой части своих воспоминаний. Здесь расскажу о его юбилейном, 75-м дне рождения. 20 августа 2007 года Василий предпочел встретиться в Биаррице. Гостей было трое: я и чета Тимаковых, живущая неподалеку.

Накануне и с утра шли телефонограммы от президента, от Медведева, от Фрадкова, от Нарышкина. Это всё, чего удостоился известный писатель от власти. Три последние передавались при мне, и Майя их принимала, то есть записывала, на чем придется.

Сам Василий, спустя месяц, 23 сентября того же года на «Эхе Москвы» вспоминал по этому поводу: «И Майе Афанасьевне, когда позвонили от Владимира Владимировича, говорят: «Ну возьмите карандаш, запишите» (меня не было дома), она стала записывать на бумажке для супермаркета: что там покупать, сколько там помидоров, лука и так далее. И сбоку получился очень красивый списочек...».

Да, никакого пиетета по отношению к власти у Майи никогда не было!..

В роковой день 15 января 2008 года, после выполнения гимнастических упражнений (он уже перестал бегать по утрам) Василий, следуя практике йоги, постоял на голове. А потом засобирался уходить. Долго прихорашивался перед большущим зеркалом, висящем в прихожей. Наконец надел пальто, обмотал шарф вокруг шеи, надел кепку.

— Хорош, хорош, — с добродушной ехидцей заметила Майя, проходя из кухни, — как на блядки собираешься!

И Вася вышел из дома. Внизу у подъезда стоял выстывший за несколько дней «ситроен». Он прогрел мотор, и двинулся навстречу беде...

Васин инсульт стал для Майи новым потрясением.

Через несколько дней из Америки прилетела Алена, дочь Майи от первого брака, с которой до того я говорил только раз: она звонила мне из Вашингтона, узнав о смерти Иры. Теперь, увидев ее воочию, я сразу ощутил доверие и симпатию с ее стороны, мы быстро подружились. Разговаривали с ней по телефону чуть ли не ежедневно, она советовалась со мной по всем вопросам.

Несколько раз я возил ее по семейным делам. Она, автомобилистка чуть ли не с тридцатилетним стажем вождения, все время возмущалась нашей ездой: «Нет, — заверяла она, — я в Москве за руль не сяду, вы ездите как папуасы, обязательно

Василий Аксенов, Майя, ее внук Иван Трунины, дочь Алена

нужно обогнать, подрезать!» Это относилось не ко мне лично, а к общей культуре вождения у нас.

При всех достоинствах существовал у Алены один чисто русский недостаток, который она унаследовала генетически от отца, первого мужа Майи. По вечерам она тихонько накачивалась пивом или водкой. И это, конечно, раздражало Майю. Алена, звоня мне вечером, жаловалась на мать и при этом говорила таким трезвым, уверенным голосом: «Витюша, ты же видишь, что я не пьяная!»

В начале я верил ей, но потом, выслушав Майину версию, понял, что все Аленыны уверения — обычное оправдание пьющего человека.

На этой почве в жизни Алены случалось уже несколько попыток суицида.

Так что, прилетев помочь, Алена, взяв на себя готовку, покупку продуктов и ежедневное посещение Васи в больнице, создала Майе и дополнительные поводы для переживаний.

17 августа 2008-го у Василия наступило вдруг резкое ухудшение, врачи не исключали худшего. Алена, к несчастью, находилась в этот момент в ссоре с Майей, и Майя уехала с песиком ночевать к сестре Ирине. Сочетание всех этих обстоятельств привело к трагическому исходу. Алена решила, что это Васин конец, и ей незачем больше влачить свое безрадостное существование — она жила его

жизнью, находилась в курсе всех его литературных и сердечных дел, являлась его главным доверенным лицом в Америке, как я в России.

Две упаковки феназепама решили дело...

Врач, установивший смерть Алены, американской гражданки, вызвал милицию. И, хотя один из милицейских чинов, приехавший во главе бригады менее значительных коллег для выяснения обстоятельств смерти Алены, залюбовался профилем Майи (он спросил меня: «А эта красивая женщина — жена Аксенова?»), Майя стала совсем не та.

Для нее уход Алены стал еще одним страшным ударом, к тому же она осталась одна в квартире. Мне пришлось нанимать женщину-компаньонку, которая поселилась у Майи и взяла на себя все бытовые заботы.

После смерти Алены, имевшей от Василия генеральную доверенность, деньги со счета мог снимать только я. Потому что Василий в свое время оформил на меня доверенность на его банковские счета в Москве. Я давно уже стал своим человеком в доме, еще задолго до его болезни.

«Ты свой человек», — постоянно слышал я от Майи и от Васи.

У меня был ключ от квартиры и от домофона.

С уходом Алены на меня легла функция семейного казначея.

Бытовые вопросы, лекарства, посещение Майей врачей взяла на себя сестра Ирина, которую я несколько раз упоминал.

Майя уже не могла регулярно посещать Василия, но все же ездила и приезжала заплаканная.

Ежедневно бывал у отца сын Василия от первого брака Алексей.

Я приходил к Майе примерно раз в десять дней и приносил деньги на жизнь, а раз в месяц еще и зарплату женщине, жившей с нею. Приходя, рассказывал новости: какие издания Василия готовлю к печати, что интересного в Москве, что слышно о друзьях.

Тогда еще появлялись подруги Майи — Ольга Трифонова, Юла Хрущева, Ляля Козлова (жена Алексея Козлова, друга Василия, известного саксофониста).

Майя еще могла два раза в день выводить на прогулку Пушкина, и это помогало ей держать себя хоть в какой-то физической форме. Когда изредка звонил кто-нибудь, она во время разговора выглядела вполне адекватной. При прощании со мной неизменно звучал вопрос:

— Витька, я ничего тебе не должна?

— Ничего, ничего, — отвечал я и скрывался за дверью.

Ситуация оставалась, если использовать медицинские термины, тяжелой, но стабильной, и тут последовала смерть Василия. Он умер 6 июля 2009 года, в день рождения другого близкого мне человека, моего двоюродного брата Бориса Балтера.

Во время похорон я неотступно находился с Майей: сопровождал ее в машине от дома до ЦДЛ, сидел рядом во время панихиды и в мерседесе-катафалке, который заказало «Эксмо» (Леонид Шкурович), и в котором мы во главе всей похоронной процессии пересекли Садовое кольцо в неполюженном месте — неожиданная почесть, оказанная посмертно Василию Аксенову властью.

И, конечно, я сидел рядом с Майей в артистическом кафе ЦДЛ во время поминок.

Теперь предстояло срочно в виду фактической недееспособности Майи оформить на меня доверенность на литературные дела и деньги, такую же, как я имел от Василия.

Ехать к нотариусу Майя уже не могла, пришлось найти выездного.

При этом во время беседы с нотариусом произошел казус: Майя, жалуюсь на плохое самочувствие, призналась между прочим, что уже ничего не соображает. Нотариус странно посмотрел на меня. Мне пришлось при нем объяснить ей, что нельзя делать такие признания, иначе доверенность оформить не удастся.

На наше счастье нотариус все правильно понял, но потом в коридоре попенял мне, что я не проинструктировал Майю в достаточной степени перед его приходом и что другой нотариус мог бы повернуться и уехать.

Потом закрутилось наследственное дело, в котором Алексей выступал отдельной стороной и повел себя, мягко выражаясь, небезупречно. Ему очень хотелось получить в наследство дом в Биаррице, но по закону три четверти дома наследовала Майя. Алексей начал придумывать обходные маневры, и мне пришлось нанять адвоката для защиты Майиных интересов. После этого Алексей немного «успокоился». Но самое интересное заключается в том, что, вступив в права наследования, Майя сама решила отдать этот дом во Франции Алексею и, как всегда, оказалась на высоте.

Мне она так объяснила свой поступок: «Я делаю это не для Алексея, а для Васи, который его очень любил. Васе было бы приятно, что я так сделала».

Однако очень быстро выяснилось, что Алексей не может принять этот великодушный дар, потому что по французским законам должен будет уплатить колоссальный налог, превышающий половину стоимости дома.

Алексею пришлось искать другую юридическую схему, избавляющую его от налога, которую Майя без возражений одобрила.

Переговоры проводились через меня и в моем присутствии — Алексей сам просил об этом, зная, что я один имею на Майю влияние и что она доверяет мне.

Точно так же и сестра Ирина, ставшая впоследствии наследницей Майи, прежде чем попросить о чем-либо Майю, заручалась моей поддержкой и просила меня предварительно переговорить с сестрой...

Майя и Василий Аксеновы в Биаррице. Пушкин в центре внимания. 2003 г

После смерти Васи Майя стала сдавать стремительно, катастрофически теряла и так давно уже сдающую память. Я задавал ей вопросы для проверки и тренировки, например:

— Помнишь Гладилина?

— Гладилина помню, — отвечала она.

— А помнишь Валерия Маевского?..

Выяснилось, что даже не всех своих подруг она помнит, не говоря о людях более далеких.

Майя сдавала на глазах, а тут еще нанятая обслуживать ее женщина оказала ей медвежью услугу, предложив гулять с собачкой. Ей это давало возможность лишний раз, прервав затворничество, выйти из дома, прогуляться по двору, пообщаться с людьми во дворе. Полностью освоившись у Майи, она стала приглашать в квартиру друга, общалась с ним на кухне и в комнате, отведенной для ее проживания.

Перестав выходить из дома, Майя очень ослабла физически и потеряла всякий контроль над происходящим. Но я стал замечать, что расходы на жизнь фантастически растут и попытался противостоять этому. Однако особа, живущая у Майи, оказалась непростым орешком.

В конце концов мне удалось (сам удивляюсь, как) избавиться от обнаглевшей прислуги. Заступившая на ее место женщина-украинка из Днепропетровска

оказалась полной противоположностью своей предшественницы, расходы вошли в нормальное русло. Наташа, так звали эту женщину, не лезла к Майе в подружки, была заботливой и внимательной.

Но тут на Майю обрушилась новая потеря: последнее утешение ее, ненаглядный Пушкин, приказал долго жить, как выражались когда-то в России.

Майя совсем замкнулась, уйдя с головой в созданный ею самой вокруг себя кокон отрешенности от всего. Утром она «пересаживалась» из постели в кресло и весь день, не выпуская сигареты «Мальборо» изо рта, смотрела телевизор, все подряд: рекламу, сводку погоды, сериал, новости и, ничего из увиденного не помнила. А, скорее всего, и не смотрела, а думала о своем. Так она прожила последние два года, вплоть до 24 декабря 2014-го.

Я неизменно приносил все публикации Василия, подготовленные мною в периодике, и книги, выходявшие в издательствах, но вряд ли она заглядывала за обложку.

Разговоров с нею уже не получалось. Правда, что-то ее вдруг задевало.

Так, однажды я рассказал ей, что по ТВ прошли передачи, посвященные 85-летию Зои Богуславской.

— Что? — переспросила Майя с иронией, — какое 85-летие, что я, Зойку не знаю!

Но такие всплески являлись, к сожалению, редчайшими исключениями.

Последнее время Майя помнила и узнавала только меня, сестру Ирину и живущую с нею Наташу.

Она быстро уставала даже от моего присутствия. Единственное, что сохранилось неизменным: она громко кричала перед самым моим уходом, чтобы я слышал ее, в прихожей, одеваясь: «Витька, я тебе ничего не должна?..»

Последние семь лет ее жизни были ужасны, но смерть ей досталась легкая. Она умерла 24 декабря 2014 года.

Фотографии предоставлены Виктором Есиповым